

Она посмотрела на осанистого Хагала – его козлиные рога горели золотом, блестящий белый мех поблескивал в свете костра. Из всех подчиненных ей тварей, она в первую очередь от него ждала вызова, от которого вспыхнет Сшибка Рогов. Ее соглядатаи донесли, что именно Хагал громче других возмущался у костра – мол, нет ничего нелепее женщины-вожака. Он был наиболее самоуверенным, всегда возражал ее приказам, но никогда не доводил до того, чтобы она смогла вызвать его на бой. Хотя, вероятно, он просто выжидает часа ее слабости, зная, что, если они сразятся сейчас, ему не победить.

А вот в своей победе над Лургаром она не была столь уверена, даже несмотря на пророчество. Эта огромная тварь с красным мехом и бычьей головой была одним из самых отчаянных ее бойцов, пьющим кровь берсерком, чья жажда боя перекрывалась только жадностью до человеческой плоти. Он был чудовищным воином, и жар битвы делал его безумным. Она почти боялась возможного вызова с его стороны, но думала, что подобного не произойдет, пока кто-нибудь не подучит его сделать это. Человек-бык слишком глуп для того, чтобы добиваться первенства, и готов следовать за всяким, кто поставляет ему врагов и еду. Да, сам он не вождь, но может оказаться прекрасным орудием для кого-нибудь за его спиной.

Кстати, за спиной у него сидел тот, кто точно задумывался об этом: старый шаман Гринд. Для зверолюда он был слишком умен, обладал хорошим чутьем, обучился всему, что было доступно искаженным. Он мог ворожить на костях и толковать предзнаменования, говорить с духами и общаться с Павшими Силами. До того как Юстина взяла власть в свои руки, именно он руководил обрядом жертвоприношения Князю демонов Кацакиталу. Но этот толстый белогривый бык был уже слишком стар, чтобы вести юнцов на Большую охоту – ему не стать вожаком их воинства. Но Юстина знала, что это не остановит его на пути к возрождению прежнего положения духовного главы племени, знала, что он просто ненавидит ее как женщину. Никак нельзя недооценивать его. Шаман полон зависти и злобы, а его слово весомо для многих членов ее войска.

Триелл Безглазый не представлял реальной угрозы – великий воин, с душою героя, но меченный гнилым камнем. И хотя у него не было глаз, он все прекрасно видел. Как и все отмеченные Хаосом, он жутко боялся Юстину, избранницу темных сил. Он жил только для того, чтобы убивать и добавлять новые глаза в свое ожерелье.

Был еще Малор Серогривый, чьего отца она убила, чтобы подтвердить свое право на лидерство. Если молодой человек и испытывал к ней неприязнь, то хорошо это скрывал. Он беспрекословно исполнял все ее приказы, прекрасно сражался и пробовал излагать и собственные суждения. Подчас его планы были гораздо разумнее, чем планы полководцев вдвое старше его самого. Он уже сейчас, еще не достигнув своего полного расцвета, был прекрасным воином. Поговаривали, что он стал членом совета только за свое дружелюбие к ней; кое-кто шепотом повторял чудовищные и грязные намеки на то, что Малор, мол, ее любовник. Но Юстина понимала, что парень заслужил свое положение честно и подтверждал его своей доблестью.

Из всех, кем она командовала, она могла сколько-то доверять только, пожалуй, Воинам Хаоса, облаченным в черные доспехи, которых она наняла в Пустошах задолго до того, как вернулась сюда. Они поклялись служить ей. Юстине очень хотелось бы, чтобы они были здесь и поддерживали ее, но их не было. Этой ночью они скрылись в глубине леса, чтобы справить собственный ритуал по умиротворению демонов, принеся им в жертву кровь и души, дабы подготовиться к предстоящей тяжелой битве.

Зверолюды выжидающе смотрели на нее, собравшись полукругом. На их мордах глаза были полны как человеческим пониманием, так и зверолоудской жестокостью. Она внезапно

обрадовалась тому, что ее меч лежит рядом с ней. Ей все-таки очень одиноко здесь. Как обычно, прежде чем начать совет, она с любопытством оглядела их. Что произойдет сейчас? Последует ли вызов?

Юстина задумалась о приказах, которые сейчас отдаст им. Она никогда не размышляла об этом прежде. Недавние сомнения теперь усилились. Раньше она жила только ради мести. Теперь, когда месть свершилась, женщина почувствовала себя опустошенной. Когда она разговаривала с Кацакиталом, ей было так легко быть уверенной, ощущать себя частью его черного плана. Князь демонов буквально завораживал ее. Но когда его не было рядом, появлялись сомнения. Она подумала, а действительно ли она хочет того, чего она хочет? Главная цель ее жизни воплотилась в реальность со смертью Гуго.

Это было слишком простым исполнением столь долго вынашиваемого желания отомстить, сказала она себе. Семь лет она только об этом и думала. А теперь это чувство покинуло ее, исчезнув вместе со смертью мучителя, оставив после себя пустоту... Она постаралась собраться, вновь ощутить ту жажду силы и бессмертия, которая так легко одолевала ее в присутствии демона. Она попыталась призвать его тень. Этого оказалось достаточно.

– Мы уничтожили наших первых жертв, – провозгласила она. – Но одна из них выжила. Необходимо, чтобы она умерла. Это желание нашего повелителя.

– Можно найти другое поселение людей. Убьем побольше, – произнес Хагал, обводя собравшихся золотыми глазами. – Стоит ли беспокоиться об одной выжившей?

Гринд грянул тяжелым жезлом-палицей, вырезанным из человеческой кости, о камни:

– Пусть живет. Она расскажет другим людям. Принесет страх. Страх – наш друг.

"Вечно эти возражения, – подумала она. – Постоянно эти заговоры и поиски слабого места. Даже простые задания становятся сложными, когда зверолюды стараются показать себя за счет других. Это общество служит сильнейшим, и если ты выразишь слабость, любую слабость, то потеряешь уважение".

– Так хочет наш бог, красный Кацакитал, избранный Кхорном, приказал нам.

Малор поглядел серыми глазами на Гринда и Хагала:

– И потому что наш вождь, Юстина, требует этого!

– Кто ты такой, чтобы обсуждать, чего хочет вождь? – напрямую обратился Триелл к Хагалу. Значит, слухи об их ненависти друг к другу правдивы. Хорошо, это укрепит ее положение.

– Я не обсуждаю вождя. Я спрашиваю, нужно ли искать одного человека тогда, когда можно найти целую дюжину. Ты так хочешь найти эту девочку потому, что пожалел ее прошлой ночью?

– Кто так сказал? – слишком быстро произнес Триелл. – Ты ищешь повод для драки?

Юстина чувствовала, что Триелл хочет замять все это, вопреки ее желаниям. Да, она пожалела девочку. Но чего добивается Хагал? Не скрыт ли здесь упрек ей самой? Она не позволит прозвучать вызову. Если Триелл убьет Хагала, это будет замечательно, но если Хагал убьет Триелла, то она потеряет своего верного союзника среди вожаков зверолюдов и вряд ли сможет найти нового.

- Никаких вызовов, - сказала она мягко, но достаточно громко для того, чтобы ее все услышали. - Разве что вызовите меня!

Все умолкли, ожидая, решится ли кто-нибудь вызвать ее на Сшибку Рогов. Она видела, как Гринд нервно облизывает губы. Поглядела на Хагала. На миг он едва не поддался искушению. В мгновение, когда их глаза встретились, она увидела в них зверолодскую одержимость убийством. Ее рука легла на рукоять меча. Она улыбнулась, подзадоривая его но он передумал и склонил голову.

- Ладно, - произнесла она наконец. - Триелл, возьми воинов и приведи девочку с такими же волосами, как у меня. Захвати следопытов, исследуйте местность, найдите ее. Я сама принесу ребенка в жертву Кацакиталу. Остальным - набираться сил. Мы отправимся в другой город и заслужим милость, убив еще больше людей.

Они одобрительно закивали и стали шумно подниматься. Юстина осталась одна; ее бросало в жар от одной мысли о том, что же она будет делать, когда ей приведет девочку.

- Просыпайся, человеческий отпрыск! Что-то приближается!

Феликс моментально очнулся от сна. Страшные образы мрачных сновидений все еще наполняли его мозг. Он помотал головой, чтобы избавиться от них, и ощутил острую боль в шее и спине оттого, что спал на холодной земле. Простуда проникла во все кости и ослабила его. Он медленно поднялся на ноги, стараясь стряхнуть с себя остатки сна. Как можно спокойнее он обнажил свой меч и огляделся по сторонам.

Готрек стоял рядом - квадратная, массивная статуя в тусклом свете догорающего костра. Красная кровь блестела на лезвии его секиры. Гном вытер оружие.

Феликс посмотрел в небо. Луна почти что закатилась. Хорошо, рассвет уже близко.

- Что-то? - переспросил он. Его слова с трудом продирались сквозь горло, превращаясь в хриплый шепот. Ему не нужны были призывы гнома быть наготове. Он и сам понимал, что что-то происходит. Над лесом в воздухе нависла угроза.

- Слушай!

Феликс прислушался, напрягая слух, чтобы уловить любой неожиданный звук. И первое, что услышал, были тревожные удары его собственного сердца. Он не слышал ничего необычного - только писк ночных лесных насекомых и тихий шелест листвы. Затем где-то далеко, - так тихо, что он поначалу подумал, что это ему только кажется, - он услышал приглушенные голоса. Он взглянул на Победителя. Тот кивнул.

Феликс огляделся, думая, куда бы спрятать Кэт. Она тоже проснулась и сидела, придвинувшись к костру. При свете огня было видно, что ее глаза распахнулись от страха. Феликс молился, чтобы скорее взошло солнце. Он развернулся и уставился во тьму, решив не оглядываться, благо глаза его уже привыкли к темноте.

- Кэт, подкинь еще хвороста в огонь, - быстро приказал он. Он почувствовал непреодолимое желание повернуться и посмотреть, делает ли она, что ей велено. Он поборол его и расслабился, когда услышал движение за спиной и шуршание хвороста. Тени заматались от огня, островок света, в котором они стояли, расширился. Деревья казались одноцветными великанами в тусклом мерцании костра.

Феликс стоял неподвижно, несмотря на пробиравший до костей холод и пот, катившийся по спине. Его одежда развевалась на ветру, ладони вспотели, и он почти физически чувствовал, что силы покидают его. Ему вдруг захотелось убежать от того, что приближалось к ним.

А оно действительно придвигалось все ближе, делая попытки затаиться. Он слышал тяжелые шаги, и боль пробежала по его телу. Мускулы живота напряглись. Не слишком скрытное приближение врагов свидетельствовало об их самоуверенности. Неужели он сейчас увидит тех, кто уничтожил Кляйнсдорф?

Странно, но ему вдруг захотелось побежать на шум, посмотреть, что там такое, вместо того, чтобы просто стоять у огня, как овца перед мясником. Чтобы успокоить себя, он несколько раз взмахнул мечом. Тот свистел, разрубая воздух. Руны на его лезвии засияли ярче, словно бы обрадовались приближающейся битве. Напряжение в мускулах и готовность этого благословенного меча с рукоятью в форме дракона несколько успокоили его. Улыбка заиграла на его губах. Если он и умрет здесь, то умрет не один.

Однако вся уверенность пропала, когда он услышал мощный рев в лесу, вырывающийся из дюжины зверолоудских глоток. В предрассветном свете этот рык напомнил Феликсу недавний ночной кошмар. Эти твари были здесь, и ему не хотелось с ними встречаться. Их преследователи знали, что цель близка, и готовились к нападению. Феликс хотел бросить меч и бежать. Силы покидали его, как вино вытекает из опрокинутого кубка. Позади него зашевелилась Кэт, и он услышал крадущиеся шаги, как будто бы она старалась спрятаться.

– Стой, человеческий отпрыск! Они всегда так делают, чтобы напугать своих врагов. Ослабить, чтобы убить. Не позволяй страху управлять тобой.

Голос Готрека был спокоен и вселял уверенность, но Феликс все равно не мог отогнать от себя мысль о том, что же произойдет, если Победителя троллей одолеют. Сможет ли он тогда противостоять врагам или, что вероятнее всего, падет в неравном бою? Феликс подумал, что если сейчас наступило то время, когда решится судьба гнома, и если Ягер не выживет, то некому будет описать это в поэме. Эта усмешка судьбы даже позабавила его. Он услышал, как Готрек придвинулся ближе.

Их преследователи были уж очень близко. Феликс слышал топот их ног, поднимающий пыль на тропинке. Они не более чем в ста шагах. Он поглядел вокруг себя, ища укрытия, но рядом были только низкие кустарники, росшие под деревьями. Ягер подумал о том, чтобы спрятаться в них и внезапно выпрыгнуть, когда этого никто не ждет. Или не выпрыгнуть, а просто затаиться, ожидая, что отродья Хаоса не обнаружат его. Но он понимал, что на это мало надежды.

Он указал на заросли вереска кончиком меча и сказал девочке: – Кэт, спрячься там. И если мы с Готреком падём в бою, то оставайся в укрытии.

Он успокоился, увидев, как маленькая фигурка девочки быстро проскользнула на животе в кустарник и затихла там. У нее будет шанс выжить, если они оба погибнут.

"Но как они их обнаружили? – подумал он. – Им просто повезло или же они отправили вперед следопытов? Или же им помогло колдовство? Там, где присутствует Хаос, ни в чем нельзя быть уверенным". На мгновение он позволил себе вообразить, что это все ошибка, что там копошится группа купцов, ищущих убежища. Но он знал, что только мертвые или убийцы могут двигаться по ночной дороге от Клейдорфа, и эта мысль заставила его содрогнуться.

Звук шагов был уже так близко, что враги должны были уже вот-вот показаться. Ягер

надеялся, что угасающая луна выкатится из-за облаков и осветит все вокруг. И, словно бы Сигмар услышал его молитву, она слегка показалась из-за облака. Но лучше бы этого не было.

Легкий серебряный свет Мэннслиб смешивался с кровавым блеском проклятой луны Моррслиб. Показавшись над верхушками деревьев, они осветили лица их врагов. Кошмар начал сбываться.

Впереди бежал жуткий мутант на привязи. Он припадал к земле, нюхая след. Феликс слышал тяжелое сопение. У твари была лысая собачья морда и огромный нос. К грязному ошейнику была привязана железная цепь, второй конец которой держал в руках козлоголовый мутант в кожаной накидке на мускулистых плечах. На шее висело ожерелье из сушеных глаз. Своих глаз у чудища не было – только отвратительные куски плоти в заросших глазницах, – но он передвигался так, словно бы все видел вокруг. Феликс подивился, что за шутку сыграло с ним колдовство Хаоса. В одной руке у мутанта была огромная шипастая палица, запачканная чем-то странным и желеобразным. Феликс постарался не думать о том, что бы это могло быть такое.

Позади них бежали его приспешники, похожие на своего господина, только помельче, а два мускулистых великанаташили пику и ржавый меч. Оленьи и лосиные глаза краснели в отсвете костра. Кроме вожака, ни у кого больше не было заметных признаков дальнейших искажений, но Феликса передергивало от одного их вида. А мысль о том, что они сделали с жителями деревни прошлой ночью, наполняла его одновременно ненавистью и страхом.

Безглазый вожак отдавал приказы своим подчиненным свободной рукой. Они рассредоточились и образовали плотный полукруг возле гнома и человека. Феликс принял боевую стойку, стараясь расслабить свои мускулы, как советовал его учитель фехтования. Он старался ни о чем не думать и успокоиться, но вид этих чудовищ не давал это сделать.

В течение долгого времени человек и зверолод изучали друг друга сквозь тенистые ветви. Феликс заставил себя посмотреть на урода с головой козла. "Я убью тебя", – думал он, надеясь напугать тварь. Пасть зверя открылась, язык вывалился, вокруг губ запузырилась пена. Было похоже, что чудовище смеется над ним. "Ну что ж, может, и не убью", – подумал Феликс и улыбнулся.

Он хотел поглядеть на Готрека и узнать, что тот собирается предпринять, но не решался отвести взгляд от своего врага. Тот мог наброситься на него со сверхъестественной скоростью, если Феликс отвернется. Худший из врагов – это враг непредсказуемый.

Зверолоды занимали свои позиции, словно бы тоже не зная, что предпримут их противники, и вопросительно поглядывая друг на друга. "Может быть, они решают, кто первым бросится в атаку", – думал Феликс. Внезапно странная мысль пришла ему в голову: он подивился тому, что эти хищные людоеды имеют головы травоядных животных. Возможно, это была еще одна шутка Павших Сил.

– Готов, человеческий отпрыск? – спросил Готрек голосом, который явно указывал на то, что гном уже вошел в раж битвы. Голос был спокоен, ровен и невыразителен.

– Как всегда, – и Феликс так крепко сжал рукоять своего меча, что почувствовал сильную боль в руках. Его мускулы напряглись, точно стальной канат. Услышав дикий смех Победителя троллей, он тоже бросился в рукопашную.

Кэт дрожала в кустах. Ей хотелось посмотреть, что происходит, но страх не давал высунуться наружу. Она знала, что зверолоды приближаются. Она чувствовала их по тому же

напряжению, что и прошлой ночью. Она посмотрела на двух своих защитников и пожалела их. Они умрут. Они, может быть, и испугались, но решили помочь ей, и уж точно они не заслуживают той смерти, которую приготовили им зверолюды.

Она поглядела на Феликса. На его красивом лице то появлялось выражение безнадежного страха, то приступ безумной храбрости. Она много раз чувствовала подобное, когда Карл начинал слишком быстро гнать лошадей по неровной дороге. Смесь разных чувств, и возбуждения, и страха, и радости одновременно. Но Феликс не выглядел особенно счастливым, и в этом была существенная разница.

А вот гном выглядел. Его грубое лицо растянулось в зверолоудский оскал, который обнажил почти полностью отсутствующие зубы. Кэт была уверена: он заметил ее взгляд, потому что он обернулся и махнул в ее сторону. Он либо не боится, либо притворяется, решила она.

Они оба держались очень храбро. И, наблюдая за тем, как они дрались, девочка поняла, что это прекрасные воины. Руны на клинке Феликса сияли внутренним светом, как заговоренное оружие в сказках. А секира Готрека, казалось, рубила врагов, как деревья. Но она знала, что все это не имеет значения: они обречены. И зверолюды это понимали.

Поборов себя, она выглянула, когда зверолюды подошли слишком близко. Их вожак, держащий приносящегося мутанта на цепи, был тот же самый урод, который пощадил ее накануне вечером в гостинице. Она знала, что он ищет ее, именно ее, чтобы исправить свою ошибку. А его слугами были те, кто ворвался в деревню и сжег ее. Все они были очень большими, выше чем Феликс, тяжелее чем Готрек. Глядя на двух воинов, стоящих перед костром, она подумала, какой же неравной будет эта битва. Человек против чудовища, превосходящего его по весу и по силе. У них не было шансов.

На секунду противники замерли, глядя друг на друга. Понимая всю драматичность ситуации, Кэт забыла о собственных страхах. У нее перехватило дыхание. Готрек возвышался каменным изваянием, а Феликс принял классическую стойку фехтовальщика. Она видела такую, когда Гуго тренировался. На них надвигалась масса бесформенных демонов с оружием наголо.

Она услышала, как Готрек пробормотал: "Готов, человеческий отпрыск?", - а Феликс ответил: "Как всегда". Она услышала дикий смех гнома и то, как он бросился в атаку, а Феликс последовал за ним. Ей было невыносимо увидеть, как они падут в бою, и девочка закрыла глаза.

До нее донеслись треск и вопль боли. Это гном, решила она. Он умер первым. Она слышала звон стали и боевые выкрики, за которыми последовали стоны. Феликс тоже умер. Но звук битвы не утих сразу, как она ожидала. Затем постепенно все умолкло. Охваченная ужасом, Кэт открыла глаза, чтобы встретиться со своей судьбой...

Феликс бросился в атаку. Впереди него метнулся в сторону Готрек, уклоняясь от запущенного в него копья. Гном перехватил древко левой рукой - оно скользнуло по всей его ладони и остановилось. Одним прицельным ударом секиры он снес голову изумленному мутанту. Послышался треск, и тварь закричала от боли. Хорошо, подумал Феликс, на одного меньше.

Он скрестил меч с кривой саблей чудовища и достал своего противника, выбивая у того из рук проржавевшую сталь. Чудовище было сильным, но неумелым. Словно бы сам по себе, заговоренный меч Феликса прорвал оборону противника, и через несколько мгновений Феликс увидел, что тварь истекает кровью от множества порезов. Но это только разъярило мутанта, и он обрушил на него удар, который мог бы перерубить Феликса пополам. Он отпрянул назад, яростно парируя. Искры летели, когда их мечи сшиблись. Его рука онемела от напряжения.

Феликс посмотрел прямо в лицо зверолюду: вокруг пасти выступила пена, а в глазах играли сумасшедшие огоньки. Он снова бросился вперед, его меч описал дугу. Инстинктивно Феликс наклонился вперед, сделал один шаг и вскинул меч. Теплые внутренности зверолюда вывалились наружу, тот откатился назад, держа кишки одной рукой и визжа как поросенок. Второй зверолюд оправился от неожиданности и тоже бросился в атаку, нагнув голову и изготоясь пронзить поэта копьем насквозь. Однако он поскользнулся на брюшной слизи своего предшественника и рухнул прямо к ногам Феликса. Молодой воин поблагодарил Сигмара и обезглавил тварь одним точным ударом. Он повернулся, отряхивая лезвие, и прикончил очередную жертву.

Готрек уже избавился от двух более слабых врагов и сцепился с вожаком мутантов. Следопыта нигде не было видно – он просто исчез. Глядя на их схватку, Феликс попытался представить, что сейчас произойдет. Победитель троллей внезапно нападет и нанесет два точных удара – первый снесет голову, а второй вскрыет грудную клетку. И безглазый падет жертвой неумолимого противника.

Топор и палица взлетели в воздух и столкнулись на чудовищной скорости. Искры отлетали от стального навершия булавы. Зверолюд был крупнее, но медлительнее, чем гном. Каждый удар секиры Победителя троллей заставлял его отступать. Феликс хотел было помочь Готреку, но передумал: тот не одобрил бы это, к тому же была возможность попасть под удар его мощного секиры.

Зверолюд нанес было могучий удар по голове Победителя. Но Готрек успел вовремя отпрянуть и снес колючее навершие палицы мутанта. Вторым взмахом он обезоружил противника.

На лице гнома было выражение такой холодной ярости, какое Феликс никогда не замечал раньше – ни признака жалости, только злость и мрачная решительность. Готрек Ударил врага по ноге и перебил ее, кровь хлынула из открытой раны. Тварь издала ужасный вопль и покатила по земле. Секира гнома обрушилась на упавшего, как топор палача. Голова безглазого чудища слетела с плеч, и его тело осталось лежать неподвижно на земле.

Победитель плюнул на него и махнул головой с отвращением.

– Слишком просто, – проговорил он. – Надеюсь, что Воин Хаоса окажется покрепче.

Феликс же надеялся, что они этого никогда не узнают.

Феликс шел пружинистым шагом. Он не устал, несмотря на то, что практически не спал прошлой ночью, и страшные темные заросли, сквозь которые они пробирались, больше не пугали его. Он свободно и глубоко вдыхал прохладный, ароматный воздух – по крайней мере, он еще мог дышать.

Он был жив! Лучи солнца проривались сквозь листву, освещая кружащиеся и мерцающие, как светляки, клубки пыли. Ему хотелось дотянуться и набрать пригоршню этого волшебного порошка. На мгновение лес преобразился: они миновали заколдованную поляну, где неестественно высокие грибы прятались в тени деревьев. Но даже они не выглядели одинокими, все вокруг говорило о продолжающейся жизни.

Он все еще был жив. Он повторял про себя эти слова, как молитву. Он прошел сквозь ужас, но выжил, а эти чудовища, его враги мертвы. А он еще жив, греется в лучах солнца, упивается свежим воздухом и наблюдает за тем, как Готрек и Кэт спускаются вниз по склону, осторожно нащупывая камни в скользкой грязи.

Его чувства обострились как никогда – так он радовался каждому мгновению своей спасенной жизни.

На паутине блестела роса раннего утра, пели птицы, и все вокруг было полно радостью. Крохотные зверьки сновали под землей, изредка выскакивая на поверхность. Феликс остановился, дав проползти змее, и не пытался убить ее. Этим утром он внезапно понял, какой хрупкой может быть жизнь.

Сегодняшний бой с мутантами вдруг показал ему, как легко можно оборвать существование человека, оставив его в холодной могиле, или, еще того хуже, в брюхе мутантов. Их спасли удача, мастерство и правильное использование оружия. Но все могло бы быть по-другому. Одна ошибка, и он бы не увидел этого благословенного утра. Он бы отправился в серое царство Морра или же превратился в ничто, как утверждали некоторые его школьные товарищи.

Такие мысли должны были бы испугать его, но только не сегодня. Это утро было таким счастливым для него. Он вспоминал каждый свой удар и каждое движение почти с любовью. Он торжествовал: еще бы, ведь он одолел врагов, которые были значительно могущественнее его. И лес больше не пугал его.

Но Феликс знал, что это не подлинная радость, ведь он часто так чувствовал себя после очередной битвы. Он знал, что скоро его торжество сменится унынием и чувством вины – но это будет позже. А пока он торжествовал, и, странное дело, ему стали нравиться сражения. Жестокость и ярость пробуждали в нем темную часть его натуры, которая обычно была скрыта даже от него самого. Он почти что понял всех тех, кто следует за Богом крови, Кхорном, требующим кровопролитий, битв и побед. И нет в мире ничего выше собственной души.

Эта мысль поразила его. Феликс вдруг подумал, что так он вступит на путь порока. Видимо, все, кто посвятил себя Павшим Силам, начинали именно так, пестуя свою темную сторону. Но он понимал всю возможную опасность и поспешил отбросить эти мысли.

Готрек остановился, приглядываясь к следам в грязи. Может быть, рассуждал Феликс, битва чересчур поразила его воображение. Может быть, именно поэтому Готрек и превратился в изгнанника, и каждое сражение служит настолько же удовлетворению его потребностей, сколько и искуплению грехов? Зачем же еще кто-нибудь отважится последовать по этой мрачной дороге, если не ради битвы?

Видимо, истинные побуждения Готрека были менее достойны и драматичны, чем он их ему представил.

Феликс вздохнул: этого он никогда не узнает. Гном оставался чужд ему, он был созданием иного общества с иными принципами морали, даже с другим восприятием мира через другие органы чувств. Он засомневался в том, что сможет когда-нибудь понять Готрека. Каждый раз, когда он приближался к разгадке его натуры, это понимание ускользало от него. Гном был совсем иным существом – более сильным, каким Феликс и не мечтал даже стать, и менее восприимчивым к боли и тяжести.

Может быть, поэтому Феликс и пошел за ним, полный обожания и желания уподобиться своему кумиру? Разумеется, его жизнь была бы сейчас совсем другой, если бы он не поклялся тогда на пьяной вечеринке последовать за Победителем троллей. Может быть, он был бы счастливее? Но, с другой стороны, он бы никогда не увидел и половины того, что пришлось ему повидать – хорошего и плохого. В ту пору Победитель, подобно демону, перевернул его жизнь и вверх во тьму.

<http://tl.rulate.ru/book/2486/46931>